

По страницам итальянской печати

Монуэла ГРАССИ

Салман

Рушди

уверен

в отмене

приговора

Жизнь в подполье под охраной специального отряда агентов Скотланд-Ярда может у кого угодно отбить чувство юмора. И все же Рушди не только продолжает писать (после сборника эссе «Вымышленные родины» и романа «Гарун и океан сказаний» писатель готовит к выпуску новую большую книгу «Последний вздох мавра»), но, по мнению тех, кто его хорошо знает, не утратил интереса к радостям жизни, к любви, компьютерным играм и телерепортажам о футбольных матчах...

Вынужденный молчать во время переговоров об освобождении западных заложников в Ливане, чтобы не ставить под угрозу жизнь британца Терри Уэйта, Салман Рушди снова может заговорить в полный голос. И сегодня в нарушение запретов Скотланд-Ярда он решил действовать как можно энергичнее и открыто обратиться к правительствам западных стран с призывом потребовать от Ирана отмены рокового приговора. Он знает, что главные его враги — молчание и равнодушие. Но в нашем эгоистичном и агностическом мире трудно постичь религиозный фанатизм: и он, и его жертвы нам, на Западе, кажутся чем-то давно ушедшим в прошлое.

— Конечно, многие могут подумать, — говорит Рушди, — что это моя личная проблема и никого больше она не касается. Но Италия, например, как и другие страны, должна бы понять, что это не так: летом 1991 года был тяжело ранен итальянский переводчик «Сатанинских стихов» Этторе Каприоло. Публикация книги, переведенной на разные языки во многих странах, — явление международной жизни, как и попытки уничтожить самое книгу. И причины здесь вовсе не во мне и не в том, хороша книга или плоха: просто нельзя убивать людей за то, что они написали, перевели, опубликовали, продали какую-то книгу.

Самым невероятным в этой истории Рушди считает размах международного терроризма, тот факт, что правительство одной страны может приказывать убить гражданина другой страны. Чтобы осо-

знать это, нужно понять, что происходит в исламском мире.

— За последние десять—пятнадцать лет, — продолжает Рушди, — велось систематическое наступление на прогрессивно мыслящих интеллектуалов и художников-модернистов. Десять лет назад в Саудовской Аравии была объявлена священная война всему модернизму — явлению «блгохульному, антиисламскому». За последние годы в Иране подверглись гонениям и были убиты многие писатели... Во всех этих случаях с людьми говорят языком инквизиции. Еще не-

ет Рушди, — группа британских мусульман, но они совсем не религиозные фанатики: больше всего их волнует проблема ассимиляции и геттизации, проблема соединения старого с новым. Те, кто сегодня резче всего выступает против романа, уверены, что смешаться с другой культурой — значит разрушить свою. А я придерживаюсь другой точки зрения... И это не вопрос филологического прочтения романа, это политическая проблема. Иранские власти признают сейчас, что аятолла Хомейни «Сатанинских стихов» никогда в руках даже не держал. И судебного процесса над мной не было. Все это лишь факт гангстеризма, международного терроризма. Чтобы запутать проблему, иранцы утверждают, будто все дело в религии, а не в политике. Но эти их утверждения очень легко опровергнуть. Иран — теократическое государство, и Хомейни был не только духовным лицом, но и главой государства. Вот почему я говорю, что вопрос этот — политический и решать его нужно политическими средствами... Сегодня, впервые после провозглашения «фатвы», британское правительство, спасшее мне жизнь, официально заявило иранскому правительству, что между Англией и Ираном отношения не нормализуются до тех пор, пока приговор не будет отменен. Это очень облегчает мне задачу добиться поддержки со стороны других западных стран.

В период с октября по декабрь прошлого года Рушди много путешествовал. Был в Германии, Канаде, Соединенных Штатах; перед этим он посетил скандинавские страны. И везде (если не считать Америки Буша) писатель встретил сочувствие и нашел официальную поддержку.

— Сейчас наступил подходящий момент, — поясняет Рушди. — Иран стоит на грани экономического кризиса. Ирану нужна помощь Запада, ему нужны деньги, но он хочет сохранить и респектабельность. А как ее сохранить при такой нереспектабельной позиции?

С сокращениями из «Панорамы»
перевела Э. ДВИН

много, и их начнут жечь на кострах. Неужели мы хотим вернуться к временам Савонаролы?

Рушди читает много книг, посвященных тому периоду — произведения Руссо, Дидро, Вольтера, — и тем, у кого память ослабела, напоминает, что многие из этих книг вышли в свет лишь после смерти их авторов. Он повторяет слова Вольтера о том, что идеальное жилье писателя должно находиться вблизи границы — чтобы ему легче было бежать. Похоже, сегодня и эти великие идеалы просветительства, идеалы рационализма и терпимости теряют свой вес даже в Европе, первой их и провозгласившей.

— В центре моего романа, — поясня-

17.02.93

Рушди С.